

УДК 165.742

Л.И. Зиннурова, канд. филос. наук, доцент

Южный филиал «Крымский агротехнологический университет»

Национального аграрного университета

95492 г. Симферополь, пгт. Аграрное

ГУМАНИЗМ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СУЩНОСТЬ, РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

Выявляется содержание гуманизма, его сущность и формы, определяются функции. Проводится мысль о кризисе традиционного европейского гуманизма и называются его некоторые причины.

Гуманность, гуманизм, гуманизация – понятия необыкновенно востребованные в наше очень сложное и беспокойное время. Все чаще к гуманизму апеллируют даже политики и бизнесмены, что само по себе показательно. Подойдя к роковой черте, человечество в лице своих наиболее обеспокоенных происходящим представителей обнаружило глубочайший кризис во всех сферах бытия – экономике, политике, социуме, и, что особенно страшно – в нравственной области, и все это на фоне тотальной дегуманизации. Поэтому даже сугубо деловым и прагматичным людям стало понятно, что единственный шанс на спасение заключен в гуманизме, в его восстановлении. Это вызывает потребность ещё раз вспомнить, а что такое гуманизм, когда и как он возник в человеческой истории и как он в ней утверждался? Что он собою представляет в наше время? Насколько он соответствует условиям современности? Может быть, возникла необходимость построения его новой формы?

В том, что гуманизм существовал в истории не всегда и что он, появившись, принимал различные формы, нет сомнений, и поскольку это так, то возникает и проблема обозначения наиболее впечатляющих видов, типов гуманизма.

О кризисе гуманизма в современную эпоху убедительно и страстно говорил и писал выдающийся человек XX и XXI века А.И. Солженицын, возможно, последний подлинный интеллигент в глубинном и полном смысле этого понятия.

Итак, что же это такое, гуманизм? В самом первом и общем смысле этого слова – человечность, что соответствует буквальному переводу термина.

С XIX века термин «гуманизм» стал одним из наиболее распространенных в научной среде для характеристики морально-социальных качеств человека и человечества. С тех пор морально-идеологическая жизнь человеческого общества не обходится без этого понятия, которое становится часто предельным и единственно критериальным для обозначения, понимания и притяжения или неприятия наиболее важных и сложных событий, ситуаций, действий.

Само слово – итальянское *humanista, umanista* – впервые фиксируется в сочинениях авторов, называемых гуманистами и творивших в эпоху Возрождения. Итальянские гуманисты слово *humanitas* – человечность – позаимствовали у Цицерона, для которого человечность была прежде всего результатом культуры. Этот поистине важнейший результат культуры родился в греческих полисах и затем был воспринят римской культурой и укоренился на римской почве, что подтверждается неоднократным употреблением этого слова Тертуллианом, Лактанцием и многими другими христианскими отцами церкви, писавшими на латинском языке.

В этом слове запечатлелось уважение к человеку, затем выросшее до осознания человека как высочайшей ценности. Существенно, что фундаментальной основой гуманизма является антропоцентризм и его характер.

Возникновение и формирование гуманизма не было бы возможно вне и без этики как философского учения о морали и нравственности. Характер этики влиял и на форму гуманизма. Преобладание рационалистической этики в античном мире породило рационалистический гуманизм, который можно считать первой формой гуманизма. Христианская религиозная мораль и её осмыслившая христианская этика вызывают к жизни христианский гуманизм, что можно считать второй исторической формой гуманизма в Западной культуре.

Христианский гуманизм во многом превзошел античный рациональный прежде всего в необыкновенно расширившемся понимании человечности. Для античности человек как продукт культуры – это эллин, потом римлянин, отличный от варваров, людей не эллинистической культуры. Человечность – это уважение и высокая оценка только носителей эллинской и эллинистической культуры. С утверждением христианства упраздняются различия, присущие оценке человека и человечности в античности. Человек вообще, любой человек важен и ценен. Человек – лучшее и высшее творение Бога, Бог любит всех людей, все люди равны перед Богом. Именно христианская трактовка человечности – базовое, фундаментальное основание европейского гуманизма.

В христианской этике основополагающими стали добродетели – сострадание, милосердие, альтруизм, сфокусированные в максиме, диктующей человеку любить ближнего как самого себя. Это

удивительной мощи приобретение, без которого невозможно было бы становление и укоренение гуманизма. Заметим, что в обществе, разделенном сословно, профессионально, экономически или каким-либо другим образом невозможен подлинный гуманизм, а возможен лишь ограниченный, относительный, даже если он выверен рационально.

Именно христианством был сделан важнейший шаг на пути преодоления различий между людьми, установление между ними равенства. Это равенство, конечно, существует лишь в религиозном аспекте, духовное, но оно очень важно, тем более что с победой христианства религия заняла ведущие позиции в жизни людей и, следовательно, акцентировала духовное равенство.

Идеологи христианства противопоставляли складывающуюся христианскую религиозную мораль грубой, как они полагали, жестокой и бесчеловечной морали рабовладельческого античного общества. Они, возможно, понимали, что в условиях предельно жесткого деления людей на свободных и рабов, эллинов и варваров, а также деления по признаку принадлежности к какой-либо из многочисленных языческих религий, невозможен гуманизм.

В основе гуманизма лежит всечеловеческое равенство, которое начинается с появлением мировых религий. Однако, затем была подмечена ущербность, односторонность христианского гуманизма, заключавшаяся в том, что при всей исключительно высокой оценке человека как высшего творения Бога и при всем исключительно человеческом (гуманном) отношении к нему, человек порочен как потомок совершивших первородный грех прародителей, и человеку надлежит искупать этот тяготеющий над ним грех. Мало того, христианский антропоцентризм человека держит в тени Бога, у подножия его пьедестала.

В.В. Соколов называет христианский антропоцентризм «ущербно-фантастическим», так как хотя Бог сотворил человека как нечто особенно совершенное и мир сотворил в принципе ради человека, но человека ущербного, отягченного грехопадением, обреченного на беспросветный труд, на аскетическую жизнь» [1, с.22].

Кроме того, ущербность христианского гуманизма проявилась и в половой дискриминации женщин, начиная с Евы, которая за инициативу в первородном грехе должна была повиноваться мужу, угождать ему. Более того, в средневековой идеологии с прочностью предрассудка утвердилась мысль о врожденной греховности, а значит, о виновности и недостаточности женщины, которая и стала базой санкционированной тирании мужчин в отношении женщин.

Христианский гуманизм имплицитно содержал в себе проблему, связанную с характером равенства христиан и нехристиан, которая возникла перед теологами в период колонизации новых открытых земель и сложных отношений с людьми чужих и чуждых культур, населяющими эти земли. Поэтому по мере утраты христианством его доминирующего положения, в причины которой нет необходимости вдаваться, вызревал первый тип гуманизма, выстраивающийся в эпоху Возрождения её великими представителями. Этот новый тип гуманизма нередко назывался гражданским. Его творцы черпали вдохновение из античной классики с учетом социальной и политической обстановки перехода от феодализма к капитализму, великих научных и географических открытий, религиозной Реформации.

Возрожденческие гуманисты основывались на моральной философии, считая её наиболее близкой человеку. Они обратились к сочинениям Цицерона, Сенеки, Платона, Сократа, Аристотеля, делая упор на этику. Леонардо Бруни переводил аристотелеву «Никомахову этику» и «Политику», а не общефилософские и логические труды Аристотеля.

В центре *studia humanitas* – моральная философия. Главное произведение самого Л. Бруни – «Введение в моральную науку», Джанотто Манетти – «О достоинстве и превосходстве человека».

Именно Л. Бруни, Д. Манетти, Н. Солютати считаются отцами гражданского гуманизма.

«Гуманизм ренессансный отказался от псевдоантропоцентризма» средневекового. Лозунгом ренессансного антропоцентризма становится тезис: «Человек свободен и равен Богу». Бог приближается к человеку, реабилитируется телесная ипостась человека, осуществляется всеми возможными способами идея гармонии духовного и телесного. Телесная природа возвышается до уровня духовной.

Человек обожествляется, максимально сближается с богом на путях творческой деятельности. Для Д. Манетти, человек – словно некий смертный Бог, творец великого и прекрасного царства культуры. Поскольку высочайшим образом почиталось поэтическое творчество, «Комедию» Данте Алигьери с легкой руки Д. Бокаччо называли «Божественной комедией», что прочно закрепилось в культуре.

Гуманизм вызревал как наиболее полное выражение и раскрытие сил и возможностей человека, разностороннее развитие как его духовных, так и телесных физических сторон. Человек становился центром научных изысканий, философских размышлений, изобразительного искусства.

В такой установке можно усмотреть и возрождение античного интереса к человеку, и продолжение, но усовершенствованное, средневекового антропоцентризма, и своеобразный вызов средневековой трактовке человека как существа, ценного только в своем духовном аспекте.

Формирование возрожденческого гуманизма – дело рук огромного множества самых разных гениев, титанов, похожих лишь в своей неисчерпаемой и многосторонней талантливости. С разных

сторон и точек зрения, в многочисленных вариациях возводилось величественное сооружение – гуманизм. Человека возвеличивали, им восхищались, его во всех проявлениях полагали высшим существом. Эпиграфом ко всему, воспевавшему человека и восторгавшемуся им, вполне могут стать строки Данте, обращение к людям: «Вы созданы не для животной доли, но к доблести и знанию рождены».

Человек мыслился как бесконечно многообразный феномен. Гуманисты, например, Ф. Петрарка в своей лирике, вскрывали сложность чувств и мыслей человека, стремились постичь их в многообразной целостности. Совершенство человека, поставленного Богом в центр Космоса, являющегося судьей мудрости, красоты и величия воздвигнутого Болом мироздания, настолько воодушевляло Пико делла Мирандолу, что он объявляет человека особым четвертым миром наряду с подлунным, поднебесным и небесным мирами. Художники эпохи откровенно и заворожено любят человека, воссоздавая его в живописных полотнах, скульптуре, литературе, драматургии, прославляя его в музыке и поэзии.

Философы обожествляют человека, как Николай Кузанский, который называет человека «очеловечившимся Богом», а Христа трактует как человекобога, максимального человека.

Интересно, что в искусстве не только воссоздается гармония и красота человека, но и складываются способы, приемы, которые позволяют поставить в центр точку зрения человека, т.е. по-человечески воспринять изображаемое. Именно в эпоху Возрождения в живописи стала преобладать прямая геометрическая перспектива, усиленная цветовой и воздушной перспективой. Опять-таки в это время мастера искусства слова обратились в живому, национальному языку и не только создали прекрасные образцы на итальянском, французском, испанском, немецком, английском языках, но и подняли эти языки до уровня классической латыни. На национальные языки была переведена книга книг Библия, что первым осуществил Мартин Лютер. Человек и человеческий быт становились основным предметом искусства, вторгаясь в произведения религиозной тематики, становившиеся близкими и понятными всем. Произведения искусства «вышли» на площади городов, возродился театр.

Интересно, что в кружках ренессансных мыслителей одной из излюбленных риторических забав было составление речей о величии природы человека, сменявшихся речами о его ничтожестве. В сочинениях Петрарки, М. Фичино, Эразма Роттердамского часто дается глубоко пессимистическое изображение человеческой участи на Земле, отражается противоречивость погружения божественной и бессмертной души в «грязь тела», с которым душа ведет непрерывную борьбу, тела, которое весьма несовершенно в сравнении с любым животным. И в искусстве трагизм человеческого существования ярко воплотился в творчестве Микеланджело, Шекспира, Сервантеса. Это явное свидетельство многостороннего и творческого подхода к человеку в стремлении его постичь полно, в том числе и парадоксальным способом, что можно в какой-то степени уподобить приему фальсификации, введенному К. Поппером в философию и методологию науки в XX в, или назвать «методом от противного».

Глубочайший интерес к человеку, как это ни парадоксально, движет и такими мыслителями, которые не заблуждаются, видя в человеке лишь совершенство, а трезво и непредвзято, без иллюзий, свойственных их современникам, смотрят на человека. Среди них – Николо Макиавелли, для которого человек – неблагодарный, непостоянный, склонный к лицемерию и обману, эгоистичный; его отпугивает опасность и влечет нажива. Все определяет в человеке интерес, диктуемый желанием людей сохранить свою собственность и приобрести новую. Человек по Макиавелли должен быть смелым, активным, решительным. Самый губительный путь для человека – осторожность. Только выдающиеся, смелые люди – Моисей, Кир, Ромул, Тезей – достигли великих целей. Макиавелли определяет и выделяет присущую этим людям – *virtu* – доблесть, как способность к деятельности, направляемой трезвым умом, сильной волей. Тем самым, Макиавелли вносит свой вклад в складывающуюся концепцию гуманистического активизма.

Природа человека выступает у Макиавелли стержнем, объединяющим человеческую историю. Эпоха Возрождения предьявила также слишком энергичных и деятельных, творивших величайшее зло, но и они злодейски великие, что выглядит как возвеличивающая демонизация человека, и является неотъемлемой гранью далеко не монохромного и благостно-положительного как всего облика этой уникальной эпохи, так и во многом определившего её характер гуманизма.

Гуманизм в принципе предполагает разрушение всех и всяческих перегородок между людьми: половых, возрастных, профессиональных, расовых, национальных, социальных, имущественных и т.д., для того, чтобы человечность была всеобщей, а не дозированной и ограниченной.

Гуманистическая идеология эпохи Возрождения довольно твердо отстаивала требования коренного изменения отношения к женщине, в котором бы присутствовало признание интеллектуального равенства её с мужчиной (до идеи равенства в политическом аспекте было ещё далеко). Для этого следовало изменить характер образования и предоставить в нем место женщине, что, например, отстаивал Томас Мор, Леонардо, Бруни, а У. Шекспир художественно выразил впечатляющий интеллектуализм своих героинь – Беатрис, Розалинды, Елены.

Женское образование, по убеждению гуманистов, должно было стать не только одинаковым с мужским, но и формировать у женщины такие качества, как знание языков, умение красиво и правильно говорить, а так же предоставить женщинам занять одинаковые с мужчинами места в музыке, поэзии, истории, литературе, философии. Важным аспектом гуманизации отношения полов являлось стремление реформировать брак, освободить его от принудительности, корыстных целей, унижения женщин (битья их, например), придать браку чистоту и возвышенность.

Протестантский пуританизм, особенно в Англии, даже «перегнул палку» в этом отношении, заиклившись на чистоте и сместившись в сторону ограничения степени свободы женщины в браке и обществе.

Равенство мужчин и женщин в браке должно и может базироваться на их природном различии, или, что точнее, природное, естественное различие должно непременно учитываться.

Для гуманизма важна снисходительность, так как человек слаб и ограничен: болезни, немощь и т.п. не подвигают на восхищение и идеализацию. Человек должен приниматься таким он явился в мир.

Перефразируя Джона Донна можно согласиться с тем, что обожествление человека – не по-божески, демонизировать – дьявольское занятие, поработать – неблагородно, не по-человечески.

Многие творцы искусства, среди них прежде всего Ф.Рабле, Сервантес, Шекспир – не идеализировали своих героев, а фокусировали внимание на странностях, слабостях, нелепостях их поведения, хотя при этом воплощали и рационалистическую иллюзию, что своими поступками они способны изменить мир к лучшему. Сама природа искусства предохраняла этих творцов от прямолинейного и демонстративного воплощения теоретических идеалов гуманизма, рациональной добродетели. Жизнь настолько неоднозначна, многообразна, что её по-настоящему талантливое изображение исключает всякую схему, ходульность, «правильность».

При всем том, что художники Возрождения – дети своего времени, а, значит, они несли в себе и индивидуализм, и рациональный гуманизм, глубокой правдой своего искусства они все-таки всегда напоминают о том, что человек всегда – живая природная сущность, в какие бы одежды он не рядился, какие бы посты не занимал, и что бы он о себе не возомнил.

Следовательно, гуманизм изначально нес в себе противоречие: рационалистическое упование на идеалы, совершенство и художественное реалистическое видение отнюдь не идеального человека и мира. В отличие от художников, теоретики гуманизма уповали на то, что составляющие содержание гуманизма высокие идеалы – благородство, смелость, решительность, активность, инициативность, мужество, доброта, мудрость, красота, честь, достоинство и т.п. основаны на разуме человека и его свободе.

Гуманисты акцентировали внимание на уме (*mens*) человека (Пико делла Мирандолла); трезвый ум почитал важнейшим качеством Н.Макиавелли; критика глупости во всех её проявлениях, мастерски осуществленная Эразмом Роттердамским, это также прославление ума; мудрые, умные люди управляют Городом Солнца у Кампанеллы.

Проблема свободы была повсеместно присутствующей. Данте Алигьери убежден, что свобода человеческого деяния лежит в основе принципа моральной ответственности. Пользуясь данной ему свободой, человек способен к свершению своего земного подвига, своего земного предназначения.

В гуманизме Ренессанса разрабатывается проблема свободы в соотношении её с необходимостью, роком, фатумом. Появляется понятие «фортуна», в котором в отличие от фатума как внешней необходимости, включена социальная необходимость.

Свобода воли человека с наибольшей силой проявляет себя в фортунах, т.к. в ней она в принципе в руках самого человека. По мнению Марсилио Фичино, человек повелевает социальным миром (семьей, государством, народами) и способен к господству над природным миром, почти как Бог.

Пико делла Мирандола развивает мысль о том, что чудеса человеческого духа определяются свободой его воли, полной свободой выбора самых различных путей. Свобода воли, понимаемая им как свобода выбора, дает человеку широчайшие возможности: он может опуститься до низменного состояния или возвыситься до ангельского совершенства. Своего совершенства человек достигает благодаря самосознанию и основанному на нем нравственному совершенствованию. Свободный человек может признать истиной только то, в чем он искренне убежден, для чего необходимо изучать философию.

Свобода для П. Помпонации – отсутствие рабского страха перед воздаянием за грехи бессмертной души. Поэтому он отрицает бессмертие души – ради свободы человека. Рабское противоречит самим основанием добродетели, считал П. Помпонации. Большую, сильную волю, стремящуюся к осуществлению значимых целей, Н. Макиавелли положил в основу *virtu* – доблести, важного качества человека.

Хотя начало и конец человеческой жизни в руках Бога, но её протекание невозможно без свободовольных действий человека, утверждал Эразм Роттердамский. Невозможна без определенного минимума

свободы воли и любая человеческая мораль. Чем больше такой минимум, тем выше мораль. Принцип «ничего сверх меры» исповедовал и этот «Вольтер XVI в.».

Джордано Бруно был озабочен преодолением в человеке рабства перед жизнью, выражающегося в неукротимом стремлении к самосохранению. Это преодоление достигается верой в принципиальное бессмертие человека как частицы мировой целостности, в то, что жизнь во Вселенной не ограничивается земными его формами, а вечно продолжается в других разновидностях.

Для Кампанеллы судьба человека не фатальна при всем астрологическом детерминизме: человек обладает свободой воли, стремится максимально развить способности, заложенные в нем при рождении, а для этого необходима свобода воли.

Как показывает этот беглый обзор взглядов на свободу и свободу воли, явно превалирует свобода и очень незначительны упоминания об ответственности и ограничениях.

Гуманизм Ренессанса содержит в себе прославление производственной деятельности человека. Николай Кузанский уподоблял божественное творчество творчеству скульптора, живописца, гончара, стеклодува, ткача. Создание божественным словом приравнивалось к сделанному умом и руками человека.

Для Манетти дар познавать и действовать лежит в основе могущества самого человека. Для Альберти – человек рожден, чтобы находиться в действии. В «героическом энтузиазме» Джордано Бруно проводится идея о необходимости максимально активно действовать. Человеческая личность определялась и оценивалась через личностные заслуги благодаря её собственной деятельности.

Понятие *virtu* – доблесть включало в себя деятельностную компоненту. Высокую оценку физического труда как важнейшего вида деятельности давал Т. Мор.

В целом, активизм, энергичная деятельность, которая в общем-то не регламентируется, явно преобладает во взглядах гуманистов.

Картина жизни Возрождения очень пестрая: от великого до пошлого; от благородства до низости; масса побед и завоеваний во всех областях и террор, войны, зверства, злодейство, роскошь и нищета. В эту эпоху ковалось богатство, и оно – не только следствие успехов, энергичности, воли, знаний и умений, но все больше цель, пропуск и средство к высокому общественному положению, почва для алчности и скупости. Художники и мыслители и обличали явно асоциальные следствия обогащения, и оправдывали его, полагая, что нет ничего хуже, чем совсем ничего не иметь.

В своем подавляющем большинстве гуманисты провозглашали принципиальную доброту человеческой природы, принципиальное равенство всех людей. Общему хору гуманистов, воздающих неумеренный пиетет индивидуализму, пытаются противостоять отдельные голоса. Т. Мор общественную жизнь в идеальном государстве противопоставляет индивидуальной, и этот антииндивидуализм предусматривает и даже требует отмены частичной собственности.

Гуманизм ренессанса в значительной мере опирается и на необходимые для него условия равенства людей. Социальные утопии Т. Мора, Т. Кампанеллы, развивают идею экономического равенства, упраздняя частную собственность, и социального равенства посредством всеобщей обязательности труда для всех в утопических государствах и даже уравнивания всяких видов труда у Т. Кампанеллы как одинаково важных и полезных. Т. Мюнцер также попытался расширить область равенства, дополняя духовное равенство, воспринятое им из протестантизма, социальным равенством, опирающимся на равную для всех собственность на землю. Это крыло возрожденческого гуманизма можно было именовать социальным.

Встроившиеся в новое время деятели церкви и глубоко верующие титаны эпохи Возрождения, проникшись духом этого времени, корректировали христианский гуманизм. Данте полагает, что церковь не должна вмешиваться в дела государства; её задача – вести человека к вечной жизни, основываясь на откровении. Современную ему церковь Данте критикует и требует исправить.

Эразм Роттердамский неуклонно осуществлял паганизацию христианства, гармонизируя античные и христианские морально-философские идеалы, приравняв, например, Сократа к Христу. При этом Эразм максимально выпячивает моральное содержание христианства, почти игнорируя его догматически-обрядовую сторону. «Поправил» Э. Роттердамский и воззрение на человека, исключив положение о радикальной испорченности человека. Человек, подражая Христу, способен поднять себя до идей Священного писания, при возможно полном знании его текстов.

«Вольтер XVI в.» ратовал за возвращение к истокам христианства, так как прекрасно видел «порчу» церкви, непримиримое противоречие схоластического формализма с многообразными проявлениями жизни.

Христианский гуманизм Эразма – проявление раннего просветительства и идейная почва приближающейся Реформации.

Моральное переосмысление и максимальную гуманизацию христианства, перегруженного схоластикой, догматикой, формализацией, декларировал Т. Мор.

Веротерпимость, глубокое почтение и исповедание подлинной религии, основанной на безупречной моральности защищает Т. Мор.

Особого внимания требует к себе протестантский гуманизм, как разновидность реформированного христианского. В аспекте нравственном именно благодаря протестантизму оказалось возможным сотворение личной совести.

В новых экономических и социально-политических реалиях доктрине отречения от мирских благ и сосредоточение на молитве и богоугодных делах была потеснена непрерывной активностью и стремлением к богатству. Культ бедности вытесняется санкционированием богатства, добытого праведным трудом и не должно расточаться на удовольствия. В ранг добродетелей вводятся бережливость, трудолюбие, профессионализм, умеренность. Протестантский гуманизм воплотил в себе сочетание религиозности, личного честолюбия и общественного служения. Вместе с тем, идея о предопределенности спасения весьма серьезно снижала уровень гуманности и обедняла её содержание.

Этические поиски гуманистов привели к пониманию необходимости дружбы, любви, блага общества как высшей цели человеческих стремлений, что и сообщило возрожденческому гуманизму его гражданское (гражданственное) звучание.

Концепцию «гражданского гуманизма» сформулировали, по мнению Р. Осборна, Леонардо Бруни и Колуччо Солотети. «Эти авторы внушили своим читателям, что быть благородным человеком можно не только и не столько лишь по соответствующему уровню богатства или высокому общественному положению, а непременно разбираясь в искусстве, рассуждая с моральной точки зрения, совершенствуя свою добродетель... Возник новый социальный эталон: благородный человек – это руководитель, властитель, вельможа, мудрый и рассудительный, добродетельный, знаток искусства и мира» [2, с. 308].

Нетрудно видеть, что явно античный гуманизм – рациональный – внедряется в ткань гражданского.

Трудно не согласиться с Р. Осборном, который говорит, что «гражданский гуманизм ловкой интеллектуальной подтасовкой превращал политические амбиции и ненасытное стяжательство в доктрину гражданской активности и просвещенного покровительства» [2, с. 307].

Жизнь ренессансного общества, как всегда и во все времена определяемого его верхушкой, включала в себя демонстрацию богатства напоказ, амбициозность и уже проявляющий себя как потенциально агрессивный и разрушающий индивидуализм. «Ренессансный культ личности угрожал расколоть общество, ... а потому перед Л. Бруни и его единомышленниками встала задача пробудить у членов плутократической верхушки память о благородных традициях городов, дать нравственную систему координат, опиравшуюся на еще более древнюю интеллектуальную и художественную традицию», – отмечает Р. Осборн, по-видимому, имея в виду античную традицию. В такой оценке гражданского гуманизма явно прослеживается его превентивная, упреждающая, охранительная функция. К сожалению, она не сработала даже в свое время, и благодатным её следствием стало своеобразное, удивительное изобразительное искусство. Художники разглядели в человеке при всем его бесконечном многообразии прежде всего часть вещественного мира, телесную, чувствующую, эмоциональную.

Акцентирование роли человека и его достоинства стали в ренессансной философии ключевыми. Гуманизм определил лицо философии этого времени. Ренессансная гуманистическая философия, как полагал Касирер, ищет интеллектуальную формулу равновесия между средневековой верой в бога и верой в самого себя ренессансного человека.

Представляется, что можно выделить ипостаси ренессансного гуманизма без всяких претензий на классификацию:

- возрожденный из античности, рациональный
- гражданский (гражданственный)
- романтический (Пико делла Мирандолла, художники эпохи)
- трезво-реалистический (Н. Макиавелли)
- усовершенствованный христианский (Э. Роттердамский, Николай Кузанский)
- протестантский (М. Лютер, Ж. Кальвин)
- «социальный» (Т. Мор, Т. Кампанелла, Т. Мюнцер)

Эти формы-ипостаси пронизывают и дополняют друг друга, демонстрируют напряженные духовные и интеллектуальные поиски творцов гуманизма и дают основания предполагать, что основы европейского гуманизма очень непросты и сам он глубоко нуждается в переосмыслении.

Возрожденческий гуманизм нуждается в серьезном анализе не только потому, что именно он был воспринят и теоретически и практически на протяжении 500 лет, но и потому, что мы сейчас в известной степени пожинаем его плоды, далеко не съедобные и полезные. Этот гуманизм предоставлял людям безграничную возможность проявления всех их эмоций, стремлений, качеств, что в итоге обернулось тем, что «мир, в котором мы сегодня обитаем, с его безжалостной конкуренцией, яростным потребительством, неугомонным желанием постоянного расширения горизонтов, страстью к путешествиям, открытиям и изобретениям, мир, зажатый между узостью мелочного национализма и

безрассудностью религиозного фанатизма, но отказывающийся склонить перед ними голову – этот мир был сотворен в эпоху Возрождения», – приводит Р.Осборн характеристику эпохи историка Лизы Джардин [2, с. 320].

Почему же произошло вырождение прекрасных, завораживающих качеств гуманизма, замещение его тотальной дегуманизацией?

По-видимому, слишком безудержной и безграничной представлялась свобода воли человека, почти не сдерживаемая ответственностью, что привело к неограниченному индивидуализму. Существенное влияние на складывающийся возрожденческий гуманизм с учетом всех его разновидностей – гражданский, протестантский, христианский – оказали дух и характер эпохи, сложный и противоречивый, пропитавший гуманизм и позднее проявившийся в коллизиях современности.

В пору созидания гуманизма закладывались основы коммерциализации, урбанизации, национализма, индивидуализма, разрушались привычная нравственность, традиции, расшатывались абсолюты, но поскольку это были только первые шаги, начала, в условиях расширяющейся свободы и в упоении этой свободой не возникло опасений, не насторожили явно возможные последствия, да о них, пожалуй, не очень задумывались: будущее представлялось не омраченным, и этот оптимизм также скрыл затаенные до поры, но отнюдь не устранимые опасности, которые не замедлили проявиться, как только для этого открылись возможности, а они были связаны с утверждением и развитием капитализма.

Справедливости ради, стоит вспомнить, что в художественном гуманизме предостережения звучали: У. Шекспир, Сервантес, и даже скептик М. Монтень в этом же ряду. Но, во-первых, нет пророка в европейском отечестве. А во-вторых, гениальные творения художников больше завораживали, чем настораживали, да и таких предостерегающих произведений слишком мало на фоне оптимистического и восторженного искусства.

При всех дифирамбах свободе человека от рабства духовного, не только существовали, но и процветали физическое рабство и работорговля. Теоретики превозносили честь и достоинство человека, а конкистадоры в Америке не только попирали их в отношении к местному населению, а бесчеловечно истребляли это население.

«Атлантическая работорговля стала почвой для беспримерной по масштабу дегуманизации», – подчеркивает Р. Осборн [2, с. 426].

Доктрина гуманизма, развивавшаяся на основе понимания греческих и римских авторов, привела в смятение философов Европы: обитатели Америк принадлежат к тому же человеческому роду или они ниже европейцев? А католическая церковь «впервые за свою историю была вынуждена задаться вопросом: каково христианское отношение к тем, кто никогда не знал Христова учения» [2, с. 392].

Эти проблемы, обозначенные Р.Осборном, явно демонстрируют неполноту, если не ущербность ренессансного гуманизма.

Не сумели предчувствовать, так как были упоены грандиозными перспективами, и опасности, таящейся в безудержной активности преобразующей деятельности. Концепция активизма в ренессансном гуманизме была широко востребованной. Ныне мы столкнулись с необходимостью ограничить деятельность во многих сферах бытия, в том числе и духовного, и даже научной деятельности.

Большая часть сотворенного в эпоху Возрождения была возведена в ранг эталона, и в этом постарались многие историки и культурологи и, залакировав Ренессанс до состояния глянца или отретушировав его, оставляя в тени изъяны, темную сторону. Это обстоятельство также частично объясняет стремление следовать гуманизму, принимая его и в качестве основы, и в качестве образца. Именно в этом ключе и утверждается, что ренессансный гуманизм лежит в фундаменте европейского.

Ренессансный гуманизм при всех своих несомненных достоинствах – «бумажный», искусственный, сконструированный. Ему не было места для реального воплощения в его время, и он был в изрядной доле результатом интеллектуальных поисков и упражнений. Его определение как «бумажного» навеяно аналогией с такой же оценкой – «бумажная» – архитектуры Возрождения, которую дали этой архитектуре выдающиеся архитекторы XX в. (Корбюзье, в частности). И оценка эта опиралась на то, что эту архитектуру создавали циркулем и линейкой, строго и четко ее реконструируя по античным образцам.

Но если в архитектуре плоть материала и вдохновение архитектора сглаживали и закрывали жесткую схему, то в рационально-философском и научно-теоретическом конструкте гуманизма не хватило материала для придания ему жизненности.

В «бумажных» творениях архитекторов вполне можно жить и работать, хотя и с некоторыми неудобствами, а «бумажный» гуманизм не развернулся в свое время и «трещит по швам» в наши дни, пасуя перед дегуманизацией.

С некоторым риском, но все-таки можно заметить, что последующие за Возрождением Новое время, Просвещение не внесли ничего кардинального в содержание гуманизма, лишь педалируя его оттенки в соответствии со стилем и характером общественной жизни.

Европейский традиционный гуманизм остался в сущности ренессансным. Его вполне можно назвать «абстрактным». Здесь не лишним будет вспомнить, что абстрактным в советский период называли гуманизм всеохватный, беспредельный, для всех и навсегда, и подвергали его беспощадной критике и поношению. Помимо того, что абстрактный – это не только обобщенный, но вполне обозначенный, четко очерченный а, следовательно, неверно определяемый, совершенно понятно, что только неограниченно беспредельная человечность необходима и крайне востребована сейчас, т.е. то, что третиновалось и представлялось не действенным, не нужным никому и никогда, на самом деле крайне необходимо.

Кризис традиционного гуманизма неумолимо подталкивает к поискам его новых форм. Среди того, что можно подвергнуть анализу, «новый гуманизм» А. Печчеи. А. Печчеи полагает, что этот «новый гуманизм» позволит воссоздать гармонию непрерывно изменяющегося мира посредством «внутренней» трансформации человека, трансформации индивидуальной культуры. Основывается он на чувстве глобальности, любви к справедливости, нетерпимости к насилию. В центре «нового гуманизма» – целостная человеческая личность и её возможности. Необходима беспрецедентная культурная перестройка миллиардов населения Земли, всех без исключения, которая может осуществиться через образование, воспитание, СМИ. Именно этот гуманизм был обозначен А.И. Солженицыным как «глобализм» и оценка ему дана как бесперспективному. Очевидна искусственность этого «нового гуманизма». Радует то обстоятельство, что стало общепонятным: только человечность может спасти мир. Также понятно, что мы всё ещё существуем в предыстории подлинного человеческого общества, пока ещё «каннибальской», как метко назвал её Э. Фомин. Человек все еще остается средством, а не целью развития человечества, правда средством, которое изощренно «употребляется». Формы человеческого бытия, призванные быть средством превращения человека в единственно достойную цель для каждого и всех, – политика, искусство, наука, техника, и даже религия, – превратились в самоцель и обезоружили человека, сделали его марионеткой, унизили и опошлили, оглупили, ожесточили, разбудили и разнообразили неизменные инстинкты, распалили неумную жажду потребительства и наслаждения.

Как вернуть человеку достойный его облик, обратиться к добру и состраданию и тем самым спасти человека и человечество, предстоит и думать, и как можно скорее решать.

Библиографический список

1. Соколов В.В. Европейская философия XV-XVII веков / В.В. Соколов. — М.: Высш. шк., 1984. — С. 22.
2. Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира / Р. Осборн. — М.: Хранитель, 2008. — С. 307–426.

Поступила в редакцию 25.08.2008 г.